

Общая газ. 1995-
13 мая - с. 15.

ВСТРЕЧИ

Человек — это его призвание

Евгений УСПЕНСКИЙ

Леонид ЗОРИН, автор любимых всеми «Покровских ворот», «Варшавской мелодии», «Царской охоты» с их человеческой интонацией только что стал лауреатом конкурса драматургов «Возрождение России».

— Надежд на возрождение Отечества все меньше — у многих сограждан почва уходит из-под ног. На что же опереться? На веру? На самих себя?

— Трудно ответить на ваш вопрос. Видимо, каждый выживает в одиночку, так же, как и умирает. Каждый ищет своей душе ее собственную опору.

В период коллективной агрессии измывавшиеся люди с особой готовностью обращаются за поддержкой к небу. Прав генерал Эйзенхауэр: «В военных окопах нет атеистов». Церковь освящает банки и рестораны. Но освящает и оружие. Недаром «священная война» — не просто привычное сочетание слов.

— Люди искусства истово враждуют друг с другом...

— Один из умнейших философов века сказал, что, «вступая в мир политики, человек, наделенный благородством, рискует собой». Добавлю: художник рискует тем более. (Я не люблю слова «художник», но другого сейчас не подберу.) Даже Сартру его политический пафос принес весьма ощутимый вред. Сартр потерял равновесие, необходимое для мыслителя, непозволительно суетился, с апломбом судил о советских делах, хотя представлял их наивно и смутно, считал, что молодость всегда права уже потому, что она — молодость. Бесспорно, старчество бывает несносно, и Грибоедов не зря помянул «старух зловещих, стариков», но искать истину по возрастным показателям — бесперспективное занятие. Пострадали и его творчество, и репутация мудреца. А об отечественных деятелях культуры, уступающих в интеллекте Сартру, нечего даже и говорить.

— Вовлеченность наших творцов в политику часто приводит их к нежелательным итогам...

— Да, кто бы мог, например, вообразить, что автор фильма «Так жить нельзя» станет вдруг браться с Невзоровым и яростно поносить правозащитника Ковалева? Печально. Я всегда относился к Говорухину с душевной симпатией, и так огорчительно наблюдать «ряд волшебных изменений милого лица». В особенности меня поразило его последнее выступление в «Часе пик». В нем он делает далеко идущие и яростные сопоставления: в Чечне воюет «рабоче-крестьянский цвет нации», не «интеллигентская шушера», не те «мерзавцы», которые столько времени держат в страхе московские улицы. Выходит, это «интеллигентская шушера» поставляет кадры столичных преступников...

— Трудно, наверное, разобратся в социальной природе криминалитета.

— Суть в том, что эта сакрализация известной нам «классовой борьбы», это опасное натравливание одной части населения на другую — прямая дорога к гражданской войне, к братоубийственному истреблению. «Классовая борьба» — самое скверное изобретение во всей истории человечества. Если в чем уж винить интеллигентов, так в том, что они-то и обосновывали эти низменные инстинкты и близоруко поощряли люмпенизированную массу, провозглашая ее «цветом нации». Скорбя о том, что мы потеря-

ли за эти семьдесят с лишком лет, значительно больше стоит печалиться о том, что мы приобрели.

— Человеческие метаморфозы, о которых вы говорите, достаточно частое нынче явление. Не связаны ли они с разочарованием в демократах и демократии?

— Несчастье грянувших перемен в том, что они дали возможность большому количеству людей, духовно и творчески несостоятельных, самоутверждаться за счет виризма и истерической активности. Отсюда, скорей всего, и началось обесценение всего процесса. Неумоимое мелькание на разных сборищах анекдотических лиц, которым собственный голос мешает думать, не могло не вызвать разочарования. К тому же политические будни опасно «свободны от предвзвешенности». Уж столько нечистоплотных господ! Ссылаются часто на личность Сахарова, однако какой же он политик? Ни он, ни тот же Сергей Ковалев, ни Михаил Молоствов — не политики. В этом и кроется их притягательность. Они — моралисты, за что по традиции их и побивали камнями.

Лично мне нелегко защищать демократию. Я не смог освободиться от мысли, что большинство не право всегда, меньшинство — периодически, а истина может осенить какого-нибудь одиночку — Диогена, Чехова, Альберта Швейцера. Нельзя отрицать, что демократия едва ли не единственный щит от самовластия и деспотии, но отечество наше своеобразно. Возможно, России пришлось бы впору некий авторитарный режим просвещенного либерала. Сочетание почти невозможное, но это не худший вариант. Во всяком случае, у штурвалов должны появиться блестящие люди. Право, Россия их заслужила. Но чтобы это произошло, ей надо, наконец, излечиться от жизнеопасной страсти к начальникам, делающим не те удавления. Иначе она обречена.

— Какие понятия, Леонид Генрихович, вызывают у вас отторжение?

— Национальная идея, геополитика, мессианство, коллективистское сознание. Первая может звучать патетически, но на практике кончается кровью. Геополитика, как бы изящно она ни формулировала свои цели, не считается со своим народом (с чужим — тем более) и, как говорится, чревата омовением солдатских сапог в далеких водах. Мессианство неумолимо приводит сначала к культу, потом — к тирании. Прежде всего, к тирании мысли, а уж затем — к тирании власти. Коллективистское же сознание быстро становится тоталитарным, подчиняет человека толпе — у нас тут большой исторический опыт.

Иоахим Фест сообщил нам формулу победившей фашистской диктатуры (и коммунистической тоже, даже если он об этом и не думал) — «время личного счастья кончилось».

— Ваша биография достаточно известна. За свои пьесы вы получили множество памятных синяков. Имело ли смысл пережитое? А попросту — чего вы добились?

— Я хотел без запрета выражать то, что думаю. Выходит, что я всего добился. Естественно, жить мне сейчас нелегко и мое будущее не обеспечено, но я ощущаю себя счастливым — слава Богу, тружусь без цензуры. Очень хорошо понимаю, что сужу с литературской колокольни, но тут уж ничего не поделаешь. Человек — это его призвание.

— Расскажите о вашей новой пьесе «Московский гнездо», которая выиграла Всероссийский конкурс.

— В таком случае мы вернемся к тому, с чего начали нашу беседу. К тому, что уходит почва из-под ног, что приходится искать и себя, и свое место в переменяющейся жизни. Мир, разумеется, театр, но люди часто плохие актеры. И все же надеешься на проблеск разума.

Беседовала
Екатерина БАРАБАШ